

Выступление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной на XXVI Международном финансовом конгрессе 13 июля 2017 года

Свое выступление я хотела бы посвятить стратегическим задачам и планам Банка России на следующие пять лет. Сегодняшний момент располагает к тому, чтобы сфокусироваться на таком горизонте планирования и определить общую стратегию развития финансового рынка, потому что сейчас наша экономика находится в начале нового цикла.

Российская экономика вернулась к положительным темпам роста, правда, пока невысоким. В этом году мы ожидаем рост на 1,3–1,8%. Повестка стабилизации и адаптации к внешним шокам, которая доминировала в последние годы, естественным образом сменилась дискуссией о том, как запустить мотор развития экономики. И именно поэтому тема конгресса в этом году – «Финансы для развития». Я рассчитываю, что два дня конгресса помогут нам продвинуться в осмыслении происходящих и в российской, и в глобальной финансовой системе изменений.

Я начну с вопросов развития глобальной экономики. В этом году – 10 лет с момента начала финансового кризиса.

Борясь с волнами кризиса, которые надвигались одна за другой в течение многих лет, и их последствиями для экономики, центральные банки многих стран были вынуждены принимать беспрецедентные меры для того, чтобы стабилизировать и переломить ситуацию. И только теперь, 10 лет спустя, они начинают выходить из этих мер.

Что беспокоит всех? То, что рост остается довольно низким и неустойчивым.

Да, после длительного периода кризисов и стагнации глобальная экономика входит в новый цикл. Но с чем?

Первое. Более высокая долговая нагрузка, чем в 2007 году. В развитых экономиках это прежде всего проблема государственного долга, а во многих странах с формирующимися рынками – корпоративного.

Второе. Чересчур низкая инфляция и даже дефляция в развитых экономиках.

И при этом, третье, пузыри на отдельных рынках с угрозой их нарастания, в том числе в силу эффектов многолетней мягкой денежно-кредитной политики.

Четвертое. Низкие темпы роста производительности и инвестиций, что не только ограничивает возможности для развития, но и не дает вырасти из-за повышенной долговой нагрузки.

Пятое. Возросшее неравенство в развитых странах на фоне стагнации доходов среднего класса, продолжающейся уже 30–40 лет. Эту тенденцию часто называют результатом глобализации. Но очевидно, что неравный доступ к возможностям новых технологий также сыграл свою роль. В этой связи цифровая революция и новая волна автоматизации рабочих мест, которая меняет традиционный профиль рынка труда в целом ряде профессий и секторов, создают значительные социальные риски. Ответом на эту ситуацию, как мы видим, является рост популизма в политике, который сам по себе несет новые экономические риски и способствует сохранению волатильности на финансовых рынках.

Шестое. Это важно для нас. Глобальная экономика вступает в свой новый цикл на низкой фазе сырьевого, прежде всего нефтяного, суперцикла. Пока так и не сбылись предсказания о том, что низкие цены на сырье положительно повлияют на глобальный рост через позитивный импульс для стран – импортеров сырья, который превысил бы негативное влияние на страны-экспортеры. Однако нельзя не отметить и технологический прогресс в нефтяной отрасли как в части

предложения (развитие сланцевых технологий; кстати, снизившиеся были инвестиции в сланцевую нефть на фоне низких нефтяных цен опять начали расти), так и в части спроса (развитие рынка электромобилей и альтернативной зеленой энергетики). По сути, сохраняется высокая неопределенность по соотношению этих факторов на среднесрочную перспективу. Поэтому рынки постоянно, чуть ли не каждый квартал, меняют свои ожидания относительно среднесрочных трендов и на рынке нефти сохраняется довольно высокая волатильность.

И последнее. Глобальная экономика входит в новый цикл с растущими киберрисками, которые могут создавать угрозу и для устойчивости финансовых систем, и для экономического роста.

К положительным моментам можно отнести финансовую технологическую революцию (финтех и сопутствующие ему снижение издержек, рост проникновения финансовых услуг, повышение их качества), а также возросшую устойчивость финансовых рынков к разного рода шокам. Она неоднократно была протестирована за последние полтора года, которые, мы видим, были богаты на политические сюрпризы. По всей видимости, реформы, которые регуляторы крупнейших стран совместно разработали и внедрили после глобального финансового кризиса, действительно способствовали укреплению финансовой системы.

Сама структура глобальных финансовых рынков за последние 10 лет серьезно изменилась. Снизилась роль глобальных банков и банковского трансграничного кредитования. При этом на рынках привлечения капитала (рынках акций) наблюдались стагнация и даже делистинг компаний.

Повысилась роль рыночного кредитования (рынков облигаций) и роль управляющих активами, то есть тех рынков, которые были в меньшей степени затронуты реформами регулирования. Но эти рынки потенциально могут оказаться и более волатильными.

В целом что все это означает для мирового роста? Он не будет, на наш взгляд, устойчивым. И средние темпы его будут ниже, чем были в начале 2000-х.

Основным трендом на ближайшие годы будет медленное восстановление экономики и ужесточение политики ведущих центральных банков, включая рост процентных ставок и сворачивание балансов.

Для финансовых рынков такая динамика ведет к двум противоречивым тенденциям. С одной стороны, экономический рост положительно влияет на финансовые рынки и аппетит к рискам. С другой стороны, рост процентных ставок охлаждает рынки, поэтому, несмотря на общую стабилизацию ситуации, высока вероятность волатильности на финансовых рынках.

Что все это означает для экономики России?

Внешний спрос будет меньше поддерживать нашу экономику. И внешняя волатильность будет чувствительна для нас.

Хотя наша экономика и научилась, как показал опыт последних лет, подстраиваться к внешним шокам, тем не менее есть ряд внутренних факторов, которые делают нас достаточно уязвимыми.

Это невысокая диверсификация экономики, недостаточная гибкость институтов и правил, слабая конкурентная среда (когда новым компаниям тяжело войти на рынок, а экономически отстающие остаются там надолго). В результате даже при потенциале роста, который, как вы знаете, ЦБ оценивает в 1,5–2%, возможны значительные колебания выпуска по годам. Поэтому срочно нужны структурные преобразования, которые позволят поднять планку потенциального роста выше 1,5–2% и сделать его устойчивым. В том числе такие структурные преобразования нужны и в финансовой сфере.

Какой ответ политики на эти вызовы мы видим в финансовой сфере?

Прежде всего нужна ориентация на максимальную гибкость. Конечно, нельзя отходить от плавающего курса. Нужна настройка и постоянная перенастройка регулирования в традиционных и новых сферах на принципах пропорциональности рискам. Так как правила быстро устаревают, нужен постепенный переход от управления через правила к управлению через принципы.

Больше внимания нужно уделять системным проблемам и рискам, а не только устойчивости отдельных институтов. Внедрение на практике принципа контрцикличности, использование для этого макропруденциальных инструментариев. Раннее предупреждение проблем как в системе в целом, так и в отдельных институтах.

Больше прозрачности в финансовой сфере. Это и прозрачность источников капитала, и борьба с финансированием бизнеса собственников финансовых институтов.

Отказ от догм. Например, что банковское регулирование нейтрально и нацелено только на управление рисками. Мы начинаем постепенно двигаться к принципу стимулирующего регулирования.

Поддержка новых технологий с упором на технологии с большей защитой от киберрисков.

Остановлюсь более детально на основных направлениях деятельности Банка России.

Первая сфера – денежно-кредитная политика. Ее роль – удерживать макроэкономические риски на низком уровне, тем самым создавая рамки для повышения горизонта планирования у банков, у бизнеса, у населения, для создания длинных денег и реализации долгосрочных проектов.

В следующие пять лет акцент нашей политики будет постепенно смещаться от достижения цели по инфляции и снижения инфляционных ожиданий к поддержанию инфляции вблизи целевого уровня и удержанию инфляционных ожиданий на низком и, главное, заякоренном уровне.

Но в ходе этого перехода к политике «тонкой настройки» нам предстоит решить немало новых задач.

Инфляция в конечном счете – это, безусловно, монетарный феномен, и средний уровень инфляции, если рассматривать среднесрочный период, зависит в первую очередь от монетарной политики. Средняя инфляция будет вблизи 4%. Но, конечно, она будет колебаться. При этом колебания инфляции вокруг среднего уровня могут иметь разную природу, по-разному влиять на инфляционные ожидания и через них на монетарную инфляцию.

Как показал наш собственный опыт, в условиях высокой волатильности следует избегать поспешной реакции на шоки (а шоки – это любые большие изменения, как положительные, так и отрицательные). Такая политика позволяет не допускать «дергания». Скажем, если бы в начале этого года мы снижали ставку быстрее, как многие хотели, то уже очень скоро мы могли бы оказаться перед необходимостью ее скорого повышения.

Однако, конечно, бывают и шоки, как, например, это было в 2014 году, когда надо реагировать более решительно.

Но бороться надо не только с последствиями шоков для инфляции, но и с их причинами. Эти причины часто находятся за пределами влияния Центрального банка, но это не значит, что нельзя найти адекватные меры государственной политики в целом.

Это относится прежде всего к динамике продовольственной инфляции и регулируемых цен и тарифов. Государственная политика по развитию инфраструктуры, логистики, конкуренции на рынках, прежде всего продовольствия и тарифного регулирования естественных монополий, может внести весомый вклад в снижение волатильности цен и тем самым привести к более быстрому снижению инфляционных ожиданий. А это, в свою очередь, даст Центральному банку возможность быстрее приближать ключевую ставку к равновесно-нейтральному уровню (напомню, что, по нашей оценке, это 2,5–3% в реальном выражении, или 6,5–7% в номинальном выражении). Более детально по этим вопросам поговорим на одной из следующих сессий с министром экономического развития Максимом Орешкиным.

Вторая сфера нашей деятельности – это поддержание финансовой стабильности. Здесь акцент также смещается: от купирования негативных последствий от уже накопленных рисков к предотвращению новых системных рисков. Здесь отмечу три основных момента.

Первое – это систематизация макропруденциального регулирования. У нас уже есть опыт по охлаждению пузыря на рынке потребительского кредитования (в 2013 году), и по девальютизации банковских балансов, и по дедолларизации. Но обычно мы вводили такие меры через изменения в наши стандартные регуляторные нормативные акты. Мы планируем уже в этом году подготовить отдельное регулирование, куда выведем все меры макропруденциальной политики. На наш взгляд, это позволит упорядочить систему, дать больше возможностей для контрциклического подхода и сделает использование таких инструментов более понятным и прозрачным для рынка.

Второе – это введение коэффициента «платеж к доходу» для того, чтобы более эффективно воздействовать на рынок потребительского кредитования. Соответствующий консультативный доклад мы опубликовали, уже обсудили с рынком, в ближайшее время мы выйдем на конкретные предложения.

И третье – это новые требования к бюро кредитных историй. Именно они, бюро кредитных историй, являются ключевой инфраструктурой для сбора информации по совокупному долгу заемщика. И здесь есть развилка. Наш основной сценарий – возложить на несколько системообразующих кредитных бюро обязанность агрегировать информацию о совокупном платеже по долгу. К таким бюро будут предъявляться более высокие требования, прежде всего по защите данных. Если же рынок не сможет договориться, то придется идти по альтернативному сценарию и создавать единого интегратора. Кроме того, мы планируем устранить некоторые проблемы в регулировании, такие как сбор кредитных историй в случае секьюритизации, отзыва лицензий или санации.

Далее. Эволюция финансового регулирования в последние годы происходит путем дополнения задач, которые с помощью этого регулирования решаются. Так, к основной задаче обеспечения устойчивости отдельных банков и финансовых институтов добавились задачи финансовой стабильности. Сейчас, на наш взгляд, возможно еще одно дополнение. Какое?

Традиционно цель финансового регулирования воспринимается исключительно как ограничение рисков. И попытки сделать дифференцированное регулирование, которое препятствовало бы одним направлениям бизнеса и стимулировало бы другие, приоритетные, всегда воспринимались ну почти как ересь. Но, например, пропорциональное регулирование, которое мы начали развивать, стимулирует развитие кредитования малого бизнеса. Это была одна из целей введения пропорционального регулирования. Или другой пример: дестимулирование необеспеченного потребительского кредитования заставило банки в том числе развивать ипотеку.

Или, например, сейчас большая доля банковского кредитования идет под сделки слияния и поглощения, что создает риски для банков и вряд ли приносит очевидную большую пользу стране, не создает дополнительный валовый продукт и новые рабочие места, а обслуживает перераспределение собственности. А в это время нашей экономике нужно больше кредитования операционной и инвестиционной деятельности компаний.

Нам предстоит осмыслить, какие задачи развития можно решать с помощью регулирования, а какие противопоказано. Ни в коем случае нельзя это делать за счет снижения защиты от рисков. Нам нужно найти баланс между ограничением рисков в одних секторах и необходимостью стимулирования других секторов. Это серьезный концептуальный вызов, на который нет однозначного ответа. И мы его будем обсуждать здесь, на конгрессе.

Перед тем как перейти к задачам, которые мы ставим в отдельных секторах, я бы хотела сказать несколько слов о самой фундаментальной предпосылке развития – о здоровой конкуренции. Развитие конкуренции – наш безусловный приоритет.

Что мы делаем для развития конкуренции?

Первое. Завершение очищения рынка. На наш взгляд, низкое качество конкуренции так же плохо, как и ее отсутствие. Честный бизнес не должен конкурировать с мошенниками. Наш долг как надзорного органа на финансовом рынке – обеспечить такую среду, в которой преимущества получают эффективные и устойчивые финансовые институты, а это означает полный вывод с рынка недобросовестных игроков.

Второе. Пропорциональное регулирование. Оно позволяет выровнять конкурентные условия для участников разного размера, помогает рынку выстроить ниши, где разным типам клиентов и их потребностям соответствуют разные типы финансовых институтов. Год назад в этом зале мы объявили, что планируем перейти к пропорциональному регулированию в банковском секторе.

В течение большей части года мы работали над деталями этой концепции. И уже Анатолий Геннадьевич [Аксаков] сказал, что Дума приняла необходимые изменения в законодательство в эту сессию, и в течение полутора лет у банков будет возможность выбрать тип лицензии, на которой они будут работать, и соответственно, какие требования к ним будут применяться. Мы рассчитываем, что банки с базовой лицензией будут активно работать с малым бизнесом и населением. И чтобы поддержать доверие предпринимателей к небольшим банкам, мы сейчас готовимся – поддержали идею о введении страхования средств малого бизнеса в банках.

Третье направление по развитию конкуренции – это развитие рынка капитала, который способен предоставить продукты, альтернативные или дополняющие банковское кредитование. С развитием долевого финансирования, а также рынка облигаций частные инвесторы получают более широкий круг финансовых инструментов для инвестиций. Таким образом, конкуренция продуктов будет на пользу как предприятиям реального сектора, так и различным категориям инвесторов.

Теперь я хотела бы перейти к задачам, которые мы ставим перед собой в банковском секторе.

В динамике банковского сектора мы видим положительные тенденции. В июне продолжился рост и активов, и кредита экономике, заметно выросли кредиты физическим лицам, опережающими темпами растет ипотека. Вклады населения также показали прирост. Характерно, что доля вкладов населения в пассивах банков превысила долю корпоративного фондирования.

Если говорить об итогах первого полугодия в целом, то активы банковского сектора увеличились на 2,2% – это с очисткой от влияния валютного курса; кредиты экономике выросли на 1,8%. Мы видим, что стабилизировалась и начинает снижаться доля просроченной задолженности.

Прибыль банковского сектора за первые шесть месяцев достигла 770 млрд рублей (это в два раза выше, чем за аналогичный период прошлого года). Это источник роста капитала банковской системы.

Эти тенденции показывают, что банковская система успешно восстанавливается, уже наращивает кредитование и будет расширять его в дальнейшем.

Какие задачи мы ставим перед собой по развитию банковского сектора?

Активная надзорная политика, ужесточение регулирования позволили улучшить здоровье финансовой системы. И даже в условиях внешних шоков это обеспечило стабильное функционирование финансовой системы. Мы в значительной степени уже избавились от банков, бизнес которых построен на незаконных операциях, и от многих хронически неустойчивых банков.

Для этого нам приходилось искоренять недобросовестные практики ведения бизнеса, приучать банки отказываться от инструментов, с помощью которых они скрывали реальное положение дел или занимались выводом активов. Многие виды недобросовестных практик, которые ранее считались нормой, ушли в прошлое. Конечно, много еще предстоит сделать и доделать.

Но сейчас, после того как большая часть пути по оздоровлению банковской системы уже пройдена, наши регулирование и надзор будут в большей степени сфокусированы на вопросах развития и стимулирования.

Вводя пропорциональное регулирование, мы рассчитываем, что оно обеспечит устойчивость небольших банков, состоятельность их бизнес-моделей. Напомню, что пропорциональное регулирование ограничивает риски, которые могут принимать на себя небольшие банки, но при этом к ним применяются более простые нормативные требования. И это будет обеспечивать более справедливые условия для конкуренции.

Второе нововведение, о котором мы объявили также год назад на площадке конгресса, – это переход к новому механизму санации банков и создание фонда консолидации банковского сектора. Сейчас мы готовы и с юридической точки зрения, и с точки зрения организации работы к использованию нового механизма санации. И по мере очищения рынка и раннего выявления проблем мы надеемся, что будет больше случаев, когда будет целесообразно попытаться восстановить платежеспособность банка, а не отзывать у него лицензию.

Более того, новый механизм санации сам по себе может стать фактором развития конкуренции в банковском секторе: консолидация позволит возвращать на рынок достаточно большие банки. Сейчас мы видим, что самая низкая конкуренция именно среди крупных банков. Таким образом, по двум из трех крупных задач, о которых мы заявляли на прошлогоднем конгрессе, есть прогресс. Третьей задачей, я напомню, о которой мы говорили в прошлом году, было создание качественного надзора за финансовыми группами – сейчас мы подготовили законопроект, который обсуждается в Правительстве, и надеемся на введение этой новации в следующем году.

Теперь о тех задачах, которые нам только предстоит решить.

Первоочередная проблема – это кредитование бизнеса собственников. Ограничение финансирования проектов собственников – норматив Н25 – введено в этом году, но применяется пока в льготном режиме.

Кредитование собственников опасно по двум причинам. Первое, банк будет смотреть сквозь пальцы на риски собственной компании, которой выдается кредит. И это риск невозврата. Второе, если у проекта собственника реально возникают трудности, то последний, кому он, как показывает наша практика, будет возвращать деньги, – это аффилированный банк. Это не рыночные кредиты, а кредиты по понятиям, банк не может их рефинансировать или переуступить.

И в конечном итоге это причина банкротства многих банков. В том числе именно это привело к краху достаточно крупные банки, у которых мы отозвали лицензии. И мы хотим, чтобы банковское сообщество знало, что здесь наши намерения серьезны и мы будем последовательно ужесточать наши подходы. Поэтому я советую тем, у кого бизнес-модель построена на кредитовании бизнеса собственников, серьезно задуматься над изменением этой бизнес-модели.

Другая проблема – качество капитала банков. Мы должны быть уверены, что у наших банков реальный, а не заемный капитал. Поэтому с этого года мы вводим повышенные требования к качеству капитала. И будем исключать из расчета капитала банков средства из непрозрачных источников.

Еще один крупный пласт проблем связан с залогами. О чем идет речь?

В российской банковской системе значительная часть кредитования – это залоговое кредитование. С одной стороны, залог – это хороший инструмент мотивации заемщика возвращать кредит, но при этом мы видим, что многие банки, выдавая кредит, сразу рассчитывают на реализацию залога как на источник погашения кредита, иногда даже выдавая кредиты предбанкротным предприятиям, рассматривая именно качество их залога.

Это в корне неправильно, потому что источником погашения кредита должен быть не залог, а операционная прибыль заемщика. В противном случае банковская система может превратиться в один большой ломбард.

Проблема осложняется тем, что залоговая масса может быть использована для снижения суммы резервов на возможные потери. Многие залоговые при этом низколиквидны. В российской практике к тому же стоимость залога часто завышается.

Проблема возникает, когда накануне краха через залоговую массу выводятся активы. И даже при наложенных на банк ограничениях и запретах у менеджеров и собственников есть возможность вывода активов через договоры залога. У регулятора сегодня есть право ограничивать или запрещать только банковские операции, а не трансакции с залогами или другим имуществом. Поэтому Центральный банк будет добиваться права ограничивать не только банковские операции в рамках мер надзорного воздействия, но и операции с залогами.

Что иначе получается: мы снижаем требуемые резервы, учитывая наличие залога. А этот залог в один день выводится – качество кредита резко падает. И в случае отзыва лицензии в конкурсную массу ничего не попадает. Страдают права вкладчиков и кредиторов. На наш взгляд, при расчете резервов залоговое обеспечение должно учитываться, только если у Центрального банка будет право вводить мораторий на операции с ним.

Одновременно необходимо улучшение законодательства о банкротстве, которое позволит добросовестному кредитору быстрее реализовать залог, полученный по договору, или иные активы по решению суда.

Еще раз подчеркну, что, по мнению регулятора, залоговое кредитование не должно являться преобладающим способом кредитования. И именно так банковская система будет работать на задачи экономического развития.

Ломбардное кредитование не должно закрепляться как главный вид банковского бизнеса. Нужно работать с клиентами, разбираться в их бизнес-моделях, а не рассчитывать на то, что станете собственниками их активов.

О наших приоритетах в надзоре. Примерно в течение года Банк России проводил реинжиниринг надзорной деятельности: была создана служба анализа рисков (которая дает оценку качества ссуд, стоимости ценных бумаг и ПФИ, а также оценку залогов). И мы уже видим некоторые результаты.

Сейчас мы проводим централизацию надзора – создали службу текущего банковского надзора. Это необходимо для повышения оперативности применения мер надзорного реагирования и создания единой надзорной практики в стране.

Модель, к которой мы стремимся, мы называем консультативным надзором. Консультативный надзор – это режим, при котором мы на ранней стадии видим проблемы и помогаем собственникам банка выработать план их решения.

Но чтобы этот подход был реализован, банки тоже должны принять на себя ответственность – быть прозрачными для регулятора. По сути, мы переходим в более дружелюбный режим взаимодействия с банком в том случае, если банк готов предоставлять достоверную и полную информацию о себе. Потому что инструменты консультативного надзора завязаны именно на внутренние процедуры банка: внутреннее стресс-тестирование, внутренние процедуры оценки достаточности капитала, управления рисками. Только не надо думать, что когда банк уже нарушает нормативы, то мы вместо мер надзорного воздействия будем его консультировать. Консультативный надзор – это совместная работа именно на ранних этапах возникновения проблем.

Для того чтобы надзор стал проактивным и чтобы разработанные нами инструменты содержательного анализа ситуации в банках и раннего выявления проблем работали в полную силу, Банк России также будет добиваться права мотивированного суждения.

В очень большом количестве ситуаций, например в том, что касается доказательства связанности сторон, невозможно опереться только на формальные правила. И, к сожалению, именно с этим связаны многие случаи, когда надзор Банка России понимал, что в банке проблемы, но, не имея права на профессиональное суждение, тратил время на сбор формальных доказательств, а собственники банков иногда в это время выводили активы.

На прошлой неделе Банк России представил для общественного обсуждения доклад, в котором излагается наш подход к применению профессионального суждения в надзоре (и, хочу отметить, не только в банковском надзоре!). Надеюсь, что после обсуждения с профессиональным сообществом и законодателями будут приняты соответствующие изменения.

Теперь я хотела бы обратиться к вопросам развития других секторов финансового рынка.

Начну я с ключевого, на наш взгляд, направления – создания в финансовой системе источников длинных денег. Это система пенсионных накоплений, инвестирование страховых резервов и разных форм инвестирования (прежде всего коллективных).

Мы прикладываем все усилия, чтобы сохранился рынок пенсионных накоплений. Накопительный элемент с учетом демографических трендов – это единственный способ обеспечить достойный уровень пенсии. И это крайне важно для удлинения горизонта инвестирования в экономике.

Мы завершили акционирование негосударственных пенсионных фондов.

Сейчас все фонды, занимающиеся обязательным пенсионным страхованием, являются участниками системы гарантирования. Строгий допуск в систему гарантирования и постоянный контроль деятельности негосударственных пенсионных фондов, а также запуск стресс-тестирований повышают финансовую устойчивость негосударственных пенсионных фондов на постоянной основе, и мы за этим будем следить.

Для уверенности будущих пенсионеров в доходности мы планируем ввести фидуциарную ответственность для НПФ, а для удлинения горизонта их инвестирования – изменение системы вознаграждения, чтобы уйти от ложной мотивации фиксировать доход на коротком промежутке времени.

Эти меры – основа для того, чтобы НПФ были устойчивы и действовали в интересах клиентов. Но этого мало. Чтобы сохранить рынок пенсионных накоплений при ожидаемой вечной заморозке накопительной части пенсии, на наш взгляд, необходима удобная и массовая система добровольных пенсионных накоплений.

Мы совместно с Министерством финансов в течение достаточно продолжительного времени вели разработку системы Индивидуального пенсионного капитала – это добровольные пенсионные отчисления по автоподписке. На наш взгляд, нужно создавать и центрального администратора системы, который даст удобный сервис для гражданина – единое окно для обращений, – стандартизирует и автоматизирует работу. Кстати, наличие сейчас такого центрального администратора, по нашей оценке, снизило бы объем нарушений прав граждан при их переходе из одного негосударственного пенсионного фонда в другой. Сейчас законопроект находится, на наш взгляд, в высокой стадии готовности, Правительство работает над снятием разногласий, и, хочется верить, уже достаточно скоро соответствующий законопроект будет внесен в Думу.

Теперь о страховом рынке.

Он демонстрирует рост и в целом характеризуется положительными тенденциями. При этом, конечно, остаются проблемные сегменты, прежде всего это ОСАГО. Решение проблем ОСАГО – это для нас задача ближайшего времени. Введенный с этого года обязательный к продаже для страховых компаний электронный полис ОСАГО улучшил ситуацию с доступностью полисов в проблемных регионах. И мы видим, что за первое полугодие выдано электронных полисов в семь раз больше, чем за весь прошлый год. Введенный в апреле приоритет ремонта над выплатами должен помочь вывести с рынка недобросовестных посредников. Мы рассчитываем, что принятые меры стабилизируют ситуацию.

Стратегические задачи по развитию рынка страхования связаны с обеспечением долгосрочной устойчивости страховых компаний и защиты прав страхователей.

У нас есть еще один пробел в законодательстве. В отличие от банковской сферы не существует правового механизма санации страховщиков. Мы планируем ввести его в ближайшее время. И соответствующий законопроект нами разработан и проходит обсуждения.

В части приоритетных задач Банка России на перспективу – внедрение принципов Solvency II в рамках реализации риск-ориентированного подхода к регулированию финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков.

Микрофинансирование – социально значимый сегмент финансовых услуг, причем мы видим, что клиенты микрофинансовых организаций – это в основном небогатые люди, а обращение к микрозаймам происходит в очень сложных ситуациях (буквально, когда не хватает денег до зарплаты). Именно поэтому политика Банка России на этом рынке прежде всего направлена на защиту прав потребителей. Первое – это снижение закредитованности заемщиков, ограничение

предельной стоимости займа. Введенные ограничения уже в разы снизили стоимость микрозаймов, но мы планируем снижать ее и дальше.

Другое направление работы – борьба с нелегальными, «черными» кредиторами. Здесь уже было принято законодательство, которое обеспечивает преследование и ответственность нелегальных кредиторов. Мы здесь работаем совместно с правоохранительными органами и фокусируемся сейчас на информировании граждан. Около месяца назад заработал наш совместный с Яндексом проект: в поисковой выдаче те микрофинансовые организации, которые внесены в наш реестр, отмечаются специальным символом, чтобы гражданам было легче разобраться, легальна эта микрофинансовая организация или нет.

Далее. В этом году началась массовая эмиссия карт «Мир», в России их принимают все платежные терминалы и банкоматы. Эмиссия идет хорошими темпами, к настоящему времени выпущено больше 10,6 млн карт, только за последние полтора месяца выпущено более двух млн карт. Она вполне конкурентоспособна и на внутреннем рынке обеспечивает все сервисы, к которым привыкли граждане, пользующиеся картами международных платежных систем.

Стратегическая задача на ближайшие годы – это обеспечение прямого международного приема карт «Мир», в первую очередь на пространстве Евразийского экономического союза.

Мы совместно с партнерами по Евразийскому экономическому союзу продвигаемся в этом направлении. И на прошлой неделе проведены первые трансграничные операции по картам «Мир» в платежной системе Армении «Арка». И для нас это первый проект по организации равноправного межсистемного взаимодействия. И наши граждане, граждане наших стран, я думаю, получают новые финансовые возможности, и здесь я хотела бы выразить признательность за действительно очень эффективное взаимодействие и быстрое продвижение этого проекта Центральному банку Армении и руководству платежной системы «Арка».

И теперь о развитии финансовых технологий.

Влияние технологий на финансовый сектор постоянно усиливается. Россия здесь продвигается в русле глобальных трендов. И отчасти даже опережая некоторые из этих трендов: например, мобильные приложения у российских банков уже очень продвинутые, а в том, что касается развития финансовых технологий, то, по оценке Ernst&Young, российский рынок сейчас третий в мире.

И было бы достаточно легкомысленно проспять технологическую революцию. Мы здесь ведем работу по трем направлениям.

Первые два (мы в них достаточно активны, и вы, надеюсь, это чувствуете) – это поддержка финтеха и предотвращение киберпреступлений в финансовой сфере. Третье – так называемый регтех – это новые подходы в регулировании и надзоре, которые мы должны выработать для того, чтобы адекватно управлять рисками финансовых институтов, которые все больше и больше становятся похожи на технологические компании.

Что Банк России делает для поддержки финансовых технологий?

Мы неоднократно говорили о своих принципах регулирования и надзора за финтехом – сначала наблюдение, потом регулирование соразмерно рискам. Здесь мы находимся в постоянном диалоге с рынком, создали Ассоциацию финансовых технологий. И наш следующий шаг, то, что мы будем делать в ближайшие годы, – это создание национальной финтех-инфраструктуры. Это те необходимые элементы, которые будут иметь ценность и будут востребованы всеми участниками рынка, которые обеспечат удобство входа на рынок для игроков разных размеров. Национальная инфраструктура будет способствовать конкуренции на этом рынке, возникновению нескольких финансовых экосистем и в итоге – более дешевых и качественных продуктов для граждан.

Какие элементы входят в национальную инфраструктуру?

Удаленная идентификация, и не только для финансовых услуг, но и для госуслуг. Мы работаем над ней совместно с Правительством.

Это создание платформы мгновенных розничных платежей, чтобы потребитель мог легко проводить платежи и переводы вне зависимости от того, где у него открыт счет.

Это создание маркетплейсов для предложения физическим лицам финансовых продуктов и услуг и помощь им в выборе выгодных и безопасных продуктов.

И последнее – развитие национальной платежной системы. Здесь наша задача – принципиально новое качество платежной инфраструктуры для страны.

И конечно, большее значение будет приобретать эффективное противодействие киберугрозам. Мы знаем, что вредоносные программы способны парализовать на часы и дни работу даже крупных компаний. В этом году на конгрессе впервые будет сессия, посвященная исключительно вопросам информационной безопасности в банковской сфере, в целом в финансовой сфере. Наши приоритеты на ближайшее время – это создание стандартов информационной безопасности для финансовых организаций, продолжение работы по идентификации угроз и помощь рынку в выработке эффективных методов купирования киберрисков.

И буквально несколько слов о регтехе.

Все финансовое регулирование и надзор до настоящего времени касались в основном пруденциальных аспектов: капитала, ликвидности, прибыльности, качества активов. Сдвиг, который дигитализация вызвала в финансовой индустрии, касается не только возникновения финтех-компаний, но и широкого использования традиционными финансовыми институтами новых технологий. Это и Big Data, и система принятия решений о рисках, кредитных решений, использование сложных математических моделей в системе управления рисками, это и работа с открытыми интерфейсами, клаудкомпьютинг.

Все это говорит о том, что в ближайшем будущем значительный объем рисков будет иметь не финансовую, а технологическую природу. И мы должны быть готовы к этим рискам, наша задача – выработать единые стандарты работы с базами данных, качеством данных, требования к моделям, которые применяются к аутсорсингу данных, требования к информационной безопасности. Все это большой пласт работы. И здесь подходы мы будем выработать в диалоге с индустрией.

Революция в использовании данных коснулась не только финансовых организаций, но и регуляторов – нас как центрального банка. Здесь нам нужно получать больше данных о сделках, транзакциях, использовать современные методы для их анализа.

Для этого мы будем оптимизировать собираемую отчетность и внедрять удобные для рынка форматы, такие как XBRL. Хочу обратить ваше внимание, что мы будем улучшать системы контроля качества и управления данными, но преимущества для вас – это меньшие регуляторные издержки.

И последнее направление работы, на котором я хотела бы остановиться, одно из самых важных, – защита прав потребителей.

Наша задача здесь абсолютно ясна – финансовые решения не должны приводить к бедам в жизни потребителей. Исходя из этого, мы пресекаем деятельность откровенных мошенников, ограничиваем риски, которые принимают на себя граждане, разбираемся в конкретных ситуациях, когда граждане обращаются к нам с жалобами. Но этого недостаточно. Нам нужны инструменты, чтобы практики, даже формально законные, но имеющие своей целью обмануть клиента, продать ему не тот продукт, не по той цене, не с теми рисками, пресекались.

Мы готовимся выстраивать вторую вертикаль надзора за финансовыми институтами – так называемый поведенческий надзор.

Наши ближайшие шаги здесь:

– введение правил продаж финансовых продуктов и услуг различным категориям потребителей, в особенности раскрытие информации о том продукте, который продается;

– усиление роли саморегулируемых организаций, которые должны разработать базовые стандарты предоставления услуг и контролировать их выполнение.

Здесь нам хотелось бы скорейшего принятия закона о финансовом омбудсмене, обсуждение его уже очень затянулось. Чтобы эффективнее отработать этот новый для нашей системы механизм, мы предлагаем двигаться поэтапно: сначала вводить в сферу компетенции уполномоченного вопросы ОСАГО, затем микрофинансовых продуктов, потом банков и остальных институтов.

И конечно, создание эффективной системы защиты прав потребителей невозможно без повышения уровня финансовой грамотности, снижения числа «невынужденных ошибок», которые граждане совершают при выборе финансовых услуг и их поставщиков. Поэтому вопросам финансовой грамотности мы будем уделять повышенное внимание. Мы уже сейчас запустили ряд программ, начиная от содействия обучению школьников и студентов и заканчивая созданием специализированного сайта.

Что касается доступности финансовых услуг, то мы выделили это направление работы в отдельный приоритет, потому что это очень важно для нашей страны, для равномерного развития доступности услуг на разных территориях, в больших и малых городах, для снижения диспропорций. Отмечу также, что недопустимо ограничение доступа к финансовым услугам лишь на том основании, что у человека есть инвалидность, а такие примеры, к сожалению, еще встречаются.

В завершение я хотела бы суммировать общую направленность тех мер в разных сферах, которые мы планируем принимать в ближайшие годы. Чем наша работа будет отличаться от прошлых лет?

В начале своего выступления я сказала о том, что российская экономика входит в новый цикл и подходы в работе Центрального банка должны отвечать новым условиям. Наша работа будет последовательной, мы будем продолжать решать те проблемы, которые уже идентифицировали, где добились прогресса. Но мы также должны думать о новом этапе деятельности Банка России.

Мы действительно занимались в прошлые годы решением отчасти застарелых проблем, отчасти ликвидировали последствия внешних шоков. Так, мы расчищали финансовый рынок от слабых и недобросовестных участников, достраивали необходимые элементы национальной инфраструктуры финансового рынка, завершали переход к инфляционному таргетированию.

Сейчас, когда в экономике и в финансовой системе ситуация стабилизировалась, у нас есть больше возможностей фокусироваться на вопросах развития. И мы будем отдавать больший приоритет вопросам конкуренции, новых технологий, финансовой доступности, развития инструментов длинных денег и рынка капитала. Что мы с вами вместе можем сделать для развития финансового сектора и что финансовый сектор может сделать для развития экономики – это как раз и будем обсуждать на конгрессе. Я всем нам желаю продуктивной работы и успехов. Спасибо за внимание.

Источник: http://www.cbr.ru/press/st/press_centre/Nabiullina_170713/